

Содержание

АСТАРТА. *Пер. О. Вронской*

Явление богини.....	11
Твид.....	21
Рилтуна разрастается.....	29
Белая мебель.....	39
Химера.....	47
Иллюзия.....	57
Совершенно другой мир.....	65
Таинство.....	75
«Подозрение».....	79
Вперед и вверх.....	87
Таге спасен.....	95
Кружева.....	105
Огонь и алтарь.....	115
Тысячелетия приносят плоды.....	123
Посвящение.....	131
Гибнешь?.....	139
Естественный отбор.....	147
Испытание.....	155
Шелк.....	161
Белый сон.....	171

В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ *Зарисовки и новеллы*

Слепая. <i>Перевод И. Матыциной</i>	183
Родственные чувства. <i>Перевод И. Матыциной</i>	191
Прелюдия <i>Перевод. И. Матыциной</i>	201
Человек огромных дарований. <i>Перевод И. Матыциной</i>	207
Заместители. <i>Перевод О. Мязотс</i>	213
Это меняет дело. <i>Перевод О. Мязотс</i>	227
Разорванное письмо. <i>Перевод О. Мязотс</i>	237
Курт Бергман встречается с Востоком. <i>Перевод К. Коваленко</i>	243
Слишком тяжелый. <i>Перевод Л. Стародубцевой</i>	257
У смертного одра. <i>Перевод Л. Стародубцевой</i>	265
«Жить без оглядки». <i>Перевод Л. Стародубцевой</i>	273
Час призраков. <i>Перевод Е. Чевкиной</i>	283
Автор, который лгал. <i>Перевод Е. Чевкиной</i>	287
Следы богов. <i>Перевод Е. Чевкиной</i>	297

АСТАРА

1931

РОМАН

Явление богини

Два стокгольмских рекламных эксперта сидели, откинувшись в кожаных креслах, каждый склонил набок свою заслуженную голову с безупречным пробором; они хотели понять, как смотрится интересующий их предмет со стороны. Перед ними стояла высокая, тонкая деревянная женская фигура, покрытая позолотой, в слегка утрированной позе: бедра — назад, плечи и шея — вперед, женственный и слегка неловкий жест приподнятых рук не выражал ни малейшего движения души: ни испуга, ни желания, ни радости, — взор услаждала лишь игра тонких, пленительных линий.

— Н-да, красивая была женщина, — заметил господин Ландерс.

Знаменитый рекламный художник Зигфрид Кауц повернул к нему подвижное, резко очерченное лицо, и из его маленьких глаз брызнули настоящие искры.

— Женщина? Где вы видите женщину? Это богиня, — возразил он.

Ландерс рассмеялся:

— Богиня рекламы? Или моды? Сдается мне, она не создана для одежды.

Кауц подался вперед с видом таинственным и серьезным.

— Перед вами божество высшего ранга, — произнес он. — Это не кто иная, как Астарта, извольте приносить ей в жертву тела и души.

— Я благоговею перед Астартой, — сказал Ландерс и почтительно склонил голову перед прекрасной витринной куклой. — Только я никак не ожидал, что такая небожительница снизойдет до участия в рекламе.

— Мы живем в эпоху секуляризации, — сказал художник, с комическим раскаянием пожав плечами. — Коммерсант без зазрения совести будет эксплуатировать даже божество. Кто из богов могущественнее Астарты? Небо и земля лежат у ее ног. Но если у коммерсанта хватит ума залучить ее к себе на службу, можно ли сомневаться, что в ее лице он обретет наиболее сильного и хитроумного помощника? Разумеется, коммерсанты во все времена желали заручиться ее поддержкой, но осознанно и рационально обратиться в свою пользу ее божественную силу стало возможно только в наши дни. Триумф секуляризации! Триумф рекламы.

Ласкающим жестом он повторил в воздухе изгибы ее тела. Казалось, его чуткая и одновременно решительная рука нанесла окончательный штрих, завершив работу над шедевром.

— Говорите, будто она не создана для одежды? — продолжил Кауц. — Очень верное наблюдение. Ее руки приподняты, чтобы одежда складками струилась вдоль тела, не то чтобы скрывая наготу, но и не то чтобы приоткрывая.

— Но зачем вы позолотили ее? — спросил Ландерс. — Она выглядит инопланетянкой. Не похожа на живую женщину. Я даже не поверил, что богиня Астарта...

— Богиня предпочитает иметь хоть какие-то покровы, чтобы смертные не ослепли, — объяснил Кауц. — Под видимостью цивилизованности в человеке таятся первобытные инстинкты, им нельзя давать волю, их следует удерживать на коротком поводке. Я так и поступаю. А для этого прибегаю к позолоте пристойности, понимаете ли, чтобы не пугать никого из малых сих... Женское тело я использовал не полностью: выбрал форму, но отказался от цвета. Можно было сделать наоборот: сохранить цвет, а форму сделать условной. Одно из двух обязательно должно остаться, но все вместе — перебор.

До сих пор молчавший молодой рекламный директор откашлялся и произнес сухим, энергичным голосом:

— Мне хотелось бы кое-что обсудить. Бесспорно, такая фигура привлечет к себе внимание, и это хорошо. Однако внимание должен привлекать товар, а не манекен. Вопрос: произойдет ли это благодаря вашей кукле? Будет ли целесообразной такая реклама?

Художник прищурился, глядя на него с насмешливым вниманием. Он заговорил с молодым человеком медленно и вкрадчиво, как терпеливый учитель — с прилежным, но не слишком одаренным учеником:

— Милостивый государь, а вы правда полагаете, будто человека и его внимание привлекает только то, что целесообразно? Может быть, простой торговец и гонится за целесообразностью, но только не среднестатистический покупатель! Я помню людей, которые как зачарованные стояли перед витриной маленького обувного магазина: там к концу проволочной спирали была прикреплена стрелка, которая равномерно

поднималась и опускалась — вверх-вниз, вверх-вниз — над рядами обуви. Обувь там стояла весьма средняя, но ритмичные покачивания стрелки воздействовали на инстинкты. Я, конечно, не утверждаю, что внимание публики мгновенно переключалось со стрелки на обувь, — связь между товаром и стрелкой была весьма неочевидна. Что требуется от ткани: приумножить чары той, кого она облекает, не так ли? А в этом случае моя Астарта незаменима. Иначе я мог бы создать плечики из железной проволоки в духе функционализма и тем самым, скорее всего, заинтересовал бы коммерсантов от искусства или художников-модернистов, но не среднестатистическую женщину. Вы только вдумайтесь, милостивый государь, не сама картинка возбуждает желание, — молодой собеседник явно сконфузился, — а ассоциации, которые она вызывает. Часто ассоциации такие короткие, что нет необходимости их выявлять. Допустим, понадобилась вам новая шляпа; озаботившись этой задачей, вы устремляете взгляд на витрину шляпного магазина, как бы дурно она ни была оформлена. Но если научиться вызывать ассоциации, внушать их, направлять в русло с самым стремительным течением, — тогда можно одержать верх над спросом, порождать его, подчинять себе желания этого мира. Моя кукла — повелительница ассоциаций.

Возможно, вы из тех, кто верит, что человек одевается под воздействием таинственного природного инстинкта под названием Вкус? — продолжал художник. — Допустим, вкус. А что такое вкус? На три десятых это опыт, на семь десятых — разные, весьма сомнительные представления о романтическом

идеале. Кто-то видел известную актрису в похожем платье; кому-то в раннем детстве запал в память образ элегантной тети, у которой на горловине платья всегда была кружевная бежевая вставка. Какая-то женщина может вдохновиться совсем крошечным мужским акцентом в моде — она ведь не такая, как другие женщины, она честная, прямая, совсем как мужчина или даже ребенок, — а что тут такого, ей ведь нет еще и шестидесяти. Юная, невинная девушка жаждет всей душой выглядеть наследницей рода Борджиа, она нахлобучивает на себя берет эпохи Возрождения, хотя он ей решительно не идет. Это и есть пресловутый индивидуальный вкус.

— Прекрасно, — сказал молодой директор по рекламе. — Я вас понял. Только хотел заметить: вы сейчас обращаетесь к женщинам. А как быть с мужчинами? Ведь ваша Астарта, как вы ее называете, хоть и вызывает нужные ассоциации, но только у женщин?

— Боюсь, вы меня совершенно не поняли, — ответил Кауц с прежним ангельским терпением, тем более удивительным, что ни в его облике, ни в выражении лица не было ничего ангелоподобного. — Да, боюсь, вы меня совершенно не поняли. Вы думаете, я собираюсь спровоцировать покупательниц на чувство влюбленности? Если это и так, то я имею в виду влюбленность особого рода, она существует и существовала всегда: влюбленность в собственную персону! — Он театрально ударил себя в грудь.

Ландерс рассмеялся, а рекламному директору стало не по себе. Художник показался ему слишком циничным. Порядочный человек любить себя не может: в лучшем случае ему простительно самоуважение.

— Ах, существуют и другие виды влюбленности, их великое множество, — вздохнул Кауц и покачал головой. — Влюбленность в людей, в деньги, в комнатных собачек, в кресла рококо, в картины... Температура одной влюбленности может едва достигать двух градусов тепла, другой — подскакивать до температуры кипения. Одна влюбленность длится полминуты, другая — долгие годы. Вот такая любовь мне даром не нужна. Я бы всеми силами постарался ее избежать.

Он умолк, повернулся к кукле и украсил ее позолоченное личико маленьким вишневым ртом, а также нарисовал тонкие изогнутые брови над черными удлинненными глазами.

— Что скажете о ее душе? — спросил он неожиданно. Молодой вспылil:

— Ну, знаете ли, я восхищаюсь вашим творением и ценю вашу куклу как декоративный элемент, но при всем желании не нахожу в этом куске дерева никакой души. Она совершенно лишена индивидуальности, разве что какие-то намеки. На этом лице ни следа интеллекта или духовной жизни — то же относится и к ее жесту. Только не сочтите меня настолько глупым, чтобы требовать всего этого от манекена, но раз уж вы спросили...

— Кстати, а на что, собственно, манекену душа? — миролюбиво спросил Ландерс.

— На что душа Астарте? — высокомерно поправил его Кауц. — Да не нужна ей душа! К тому-то я и клоню. У Астарты вообще нет никаких индивидуальных свойств, это все выдумали гораздо позже, как и душу... Но переходя от метафизической стороны вопроса к меркантильной, скажу, что для модного дома великое

счастье — отсутствие у Астарты души. Я тут рассуждал о разных видах влюбленности... Вот влюбленности-то я как раз намеренно избегал, как и личности, и души. Оставил только первооснову.

— Не понимаю, — заявил молодой директор. (Чем, судя по тону, был чрезвычайно горд.)

— Не понимаете, что в Астарте не осталось ничего, что можно любить? Ничего из того, что отличает одного человека от другого? У нее осталось только женское начало, правда в его наиболее обольстительном и победоносном воплощении. Женщина проходит мимо витрины и распознает свое собственное естество, не перегруженное индивидуальными чертами, она узнает свои тайные желания, с восторгом видит в этой совершенной красоте свое другое «я» — она на мгновение отождествляет себя с куклой — прошу прощения, с богиней. Само по себе неудивительно, что в каждом из нас может быть две личности. С вами во сне наверняка не один раз такое случилось. Достоинно внимания то, что легкая влюбленность женщины в себя, внушенная куклой, легко и просто распространится на ткани, которые кукла демонстрирует. В том состоянии, в которое женщину приведет встреча с позолоченной Астартой, что может быть лучше этих тканей для ее возлюбленного «я», а вернее, для ее женского естества, в котором просыпаются самосознание и дерзкие мечты... Таким образом, в наших руках оказывается сильнейший механизм воздействия, мы его изучаем и заставляем работать на себя...

— Неплохо, — одобрил Ландерс. — Вы несколько метафизически это выразили — но вы же немец. — Кауц, польщенный, раскланялся. — Хотя я понимаю, как это устроено. Не стоило только с самого начала называть

манекен богиней, тем более Астартой, а то нагнали на меня суеверного ужаса.

— Богиня униженная. Бойтесь ее? — рассмеялся Кауц. — Не захочет ли она мстить? Возможно. Но не нам же? Мы-то знаем, что делаем. Прежде всего она благословит ваш коммерческий успех и мой тоже, надеюсь. В любом случае безработной она не останется. В наше время богам приходится туго. Даже самые гордые из них вынуждены смиренно идти в услужение к единственному истинному богу — Мамоне.

Молодой директор с энергичным голосом был до глупины души возмущен кощунственным тоном художника. Сам он исправно посещал церковь по праздничным дням. Чтобы закончить беседу, которая, помимо прочего, грозила свернуть в совсем не деловое русло, он сказал:

— Кукла годится для рекламных целей. Как представитель нашей фирмы я ее одобряю.

Ландерс удовлетворенно кивнул. Директор продолжал:

— Что касается других кукол или манекенов, — я бы хотел кое-что в них изменить. Смотрите, — он взял со стола модный журнал, — вот последний крик, дойдет до нас в этом сезоне. Не могли бы вы сделать бедра еще более плоскими и приподнять их повыше, так наши модели будут больше отвечать требованию времени. Вы, конечно, понимаете, что другие магазины в нашей отрасли смотрят на дело так же, как и я, поэтому в ваших же интересах учесть мои замечания.

Насмешливо прищурившись, Кауц разглядывал изображение тощих моделей, похожих на натянутую бельевую резинку.

— Ни одна женщина так не выглядит и выглядеть не будет, чтобы род человеческий не пресекся, — сказал

он. — Ну, а идеал всегда должен быть недостижим, как известно. *Si Dieu n'existait pas...*¹ Словом, совсем как с этими бедрами. All right, самое главное, чтобы на таких моделях был спрос. Сделаю все возможное.

Оба господина подписали взаимные обязательства, встали, раскланялись и разошлись.

На улице Ландерс, усмехаясь, закурил сигару.

— Могу только повторить слова королевы из «Гамлета»: «По-моему, леди слишком много обещает»². Поглядим, как-то она сдержит свои обещания. Скоро узнаю, какое Астарта произведет впечатление на мою юную племянницу, дочь брата. Она приезжает осенью в Стокгольм — из Рилтуны, глухого края, где люди еще сохранили честь и совесть. — Как странно сегодня звучит: «Честь и совесть».

— А разве господин Ландерс не верит, что такие понятия, как честь и совесть, еще существуют?

— Да, да, существуют, конечно... в разумных пределах. Просто я подумал, насколько сжались все расстояния. В той же Рилтуне я бы мог оказаться уже послезавтра, если б захотел. Но довольно философствовать. Был рад встрече, господин Вестман. Приятно было познакомиться. Надеюсь, еще увидимся.

¹ Если бы Бога не существовало... (*фр.*) — Известное высказывание Вольтера: «Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать». — *Здесь и далее прим. перев.*

² Перевод Б. Пастернака.